

Письмо Камила Демулена жене из Люксембургской тюрьмы – в двух переводах, с комментариями Г.Осипова и Т.Черноверской.

Веб-публикация: Татьяна Черноверская и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

“Я мечтал о Республике, которую любил бы весь мир...”

предисловие переводчика

Перед вами документ, впервые публикуемый в Советском Союзе, поразительный и трагический, еще раз напоминающий о том, что революции несут с собой не только великие проявления героизма, но и великие трагедии, что знаменитые революционеры - не ходячие совокупности раз и навсегда отмеренных добродетелей, а люди, остающиеся людьми и в силе, и в слабости.

К тридцати годом Камилл Демулен с полным основанием, несмотря на весьма своеобразную беспорядочность внешнего облика и образа жизни, мог считать себя любимцем фортуны. Разве не он в июльские дни 1789 года, стоя на беспорядочно сдвинутых в палерояльских кафе столиках, призывал к оружию восставший народ Парижа? Разве не он - адвокат по образованию и журналист по призванию и темпераменту - был одним из “золотых” (и, добавим, ядовитейших) перьев революции, ее неукротимым романтическим гением и в какой-то степени ее “enfant terrible” - “ужасным ребенком”⁶? наконец, разве не он стал мужем едва ли не самой очаровательной девушки Парижа - Люсиль Дюплесси? К ней, как говорили, был неравнодушен и слывший женоненавистником (или же старавшийся слыть им) Максимилиан Робеспьер, бывший однокашник Камилла по колледжу, согласившийся быть свидетелем на их свадьбе. Она состоялась в декабре 1790 года, а три года спустя Камилл Демулен воскликнет: “Волею судьбы из шестидесяти революционеров, которые присутствовали у меня на свадьбе, у меня осталось только два друга: Дантон и Робеспьер. Остальные эмигрировали или гильотинированы”.

В Жорже Жаке Дантоне Камилл не ошибся. Но Робеспьер, считавший себя верным учеником великого гуманиста Руссо... “Ничто на земле не стоит цены человеческой крови”, - говорил эрменонвильский отшельник. И никто не надругался над этим заветом циничнее Робеспьера, провозгласившего террор “проявлением добродетели” и “выводом из общего принципа демократии”. А Камилл Демулен имел неосторожность высказать иное мнение. В своей газете “Старый кордельер” он писал: “Откройте тюрьмы тем двумстам тысячам граждан, которых вы называете подозрительными... Это была бы самая революционная из всех мер, какие вы когда-либо проводили... Нет подозрительных людей, а есть уличенные в проступках, определенных в законе...”

На пути к власти для Робеспьера не существовало ни друзей, ни соратников. 24 марта 1794 года были казнены так называемые “левые” якобинцы во главе с Эбером. Неделию спустя на обрывке конверта был написан приказ об аресте Дантона, Демулена и двух их друзей... Камилл всю ночь ждал ареста, и его забрали 31 марта рано утром - он только-только задремал, как ребенок, на коленях у своей Люсиль, - и тайно отвели в тюрьму, окна которой выходили в Люксембургский сад. Впереди был отвратительный трагифарс “амальгамированного” процесса: на одну скамью подсудимых предстояло сесть вождям революции и проворовавшимся мошенникам...

Люсиль бросилась писать Робеспьеру:

“...Неужто ты посмеешь обвинить нас в контрреволюционных замыслах, в предательстве отечества! ты, который не раз пользовался тем, что мы сделали ради него! Камилл видел, как зарождалась твоя гордыня, он предчувствовал, куда приведет тебя этот путь, но он помнил о старинной вашей дружбе, и, будучи равно далек и от бесчувственности Сен-Жюста, и от твоей низкой зависти, он не захотел ни в чем обвинять своего товарища и соратника. Его рука, пожимавшая твою, бросила перо, когда уже не в силах была более восхвалять тебя. И ты, ты посылаешь его на смерть! Он должен благодарить тебя за то; родина, быть может, могла бы упрекнуть его, но благодаря тебе она не забудет, что Камилл Демулен был, вопреки всему, защитником Республики. Но, Робеспьер, хватит ли у тебя сил исполнить твои злоещие планы, без

сомнения, внушенные подлыми душами, окружающими тебя? Неужели ты забыл о дружбе с Камиллом, о которой он не мог вспоминать без нежности? Ты, который благословил наш союз, соединил наши руки в своих, ты, который улыбался моему сыну, чьи детские руки столько раз ласкали тебя, неужели ты останешься глух к моей мольбе, презришь мои слезы и втопчешь в грязь справедливость?.. Но в чем виноват мой Камилл?.. Я не обладаю его пером, чтобы защитить его, но голос добрых граждан и твоего сердца, если оно чувствительно и справедливо, все скажет за меня. Ты приносишь в жертву своих друзей - неужели ты думаешь, что тебе поверят? Благословят ли того, кого не трогают ни слезы вдовы, ни гибель сироты? Если бы я была женой Сен-Жюста, я сказала бы ему: "Дело Камилла - твое дело, равно как и всех друзей Робеспьера..."

Убитой отчаянием женщине не дано было понять, что с равным успехом можно было молить о пощаде камни улицы Сент-Оноре, на которой квартировал адресат письма, плотненько задраивший ставни окон в тот момент, когда под ними загрохотали телеги, увозившие на казнь взывавшего к народу Демулена и презрительно молчавшего Дантона...

Камилл умер с заветной прядью волос Люсиль в руке - той самой, о которой он просит в письме. Его подлинник, по рассказам очевидцев, производил потрясающее впечатление и много лет спустя: бумажный лист пересекали выцветшие светлые полосы - следы слез Камилла...

Люсиль пережила своего мужа всего на неделю: ее "срочно" обвинили в том, что она готовила мужу побег, и 13 апреля, под белой вуалью, в белом платье, похожем на подвенечное, 22-летняя Люсиль Демулен, мать полуторагодовалого Горация, взошла на эшафот...

"О, какое хватающее за душу прощальное письмо оставил Камилл Демулен своей жене, своей любимой семье! - писал Жан Жорес.- Кто в состоянии прочитать эту бессмертную страницу и не быть потрясенным до глубины души, тот утратил уже все человеческое... Эти люди любили жизнь, так как она была жизнью, так как она была любовью, так как она была свободой. "Уснем, - говорил Дантон, - на груди славы". И слава своим сиянием скрывает от них ужас смерти".

Материал подготовлен Г.Осиповым
и опубликован в газете «Советская культура» 11 июля 1989.

Камил Демулен - Люсиль Демулен

© Vive Liberta

12 жерминаля II г.1, Люксембургская тюрьма

Благодатный сон прекратил мои страдания: во сне чувствуешь себя свободным; небо сжалилось надо мною. Всего лишь мгновение назад я видел тебя во сне, я поочередно обнимал тебя и Горация...² Я очнулся в своем узилище, светало. Не видя и не слыша тебя, я поднялся по меньшей мере для того, чтобы написать письмо. И таким образом поговорить с тобой. Но стоило мне отворить окно, как сознание собственного одиночества и ужасные решетки и затворы, разделяющие нас, сломали твердость моего духа. Я залился слезами, я зарыдал в моей могиле, я закричал: "Люсиль! Люсиль, где ты?" Вчера вечером я уже пережил что-то подобное, и сердце мое разрывалось, когда я увидел в саду твою мать. Я пал на колени перед решетками, я протянул руки, словно умоляя ее о сострадании, переполняющем твою грудь.³ Я видел твою мать вчера, она так страдала, в руке у нее был платок, а лицо скрывала вуаль; она не могла этого вынести. Когда вы придете снова, пусть она сядет как можно ближе к тебе, чтобы я мог лучше разглядеть вас обоих, мне кажется, это не опасно, а окно моей камеры невелико. Всей душой умоляю тебя: пришли мне твой портрет, пусть художник, преисполнится сочувствия ко мне, страдающему лишь за чересчур горячее сострадание к другим пусть он пишет тебя дважды в день. Тот миг, когда я получу портрет, станет праздником среди кошмара моей темницы, это будет день опьянения и восторга.

А пока перешли мне прядь своих волос, чтобы я мог носить ее подле своего сердца. Моя дорогая Люсиль! Я снова и снова вспоминаю первые дни нашей любви; когда меня интересовал любой, кто выходил из твоего дома. Вчера, когда вернулся тот гражданин, что отнес тебе мое письмо, я спросил его, как когда-то аббата Ландревилля, “Ну что? Вы видели ее?” - и я стал смотреть на него так, точно на его одежде или же на нем самом могла остаться частица тебя. Это милосердная душа - мое письмо дошло до тебя невредимым. Похоже, мне предстоит видеться и утром, и вечером с этим вестником скорби, и он становится мне так же дорог, как тот, что некогда возвещал мне радость. Я обнаружил в своей камере щель, я напряг слух: до меня донеслись чьи-то стоны; рискнув произнести несколько слов, я услышал голос больного страдальца, спрашивавшего мое имя; я назвал его. “Боже мой!” - вскричал он, рухнув на постель, с которой перед тем поднялся; я узнал голос Фабра д'Эглантина. “Да, я Фабр, - сказал он мне, - но как ты попал сюда? Значит, революция погибла?” Тогда мы не решились беседовать из страха, что ненависть, услышав нас, восплачет завистью, лишит нас этого слабого утешения, и мы будем разлучены; в его камере есть очаг, а моя хороша настолько, насколько может быть хороша тюрьма. Но, дорогой друг! Ты не представляешь себе, что значит быть секретным узником,⁴ не знать своей вины, ни разу не быть допрошенным, не видеть ни единой газеты! Это и жизнь, и смерть одновременно, это значит существовать лишь; для того, чтобы чувствовать себя узником! Говорят, что невиновности присущи спокойствие и мужество. Ах, моя дорогая Люсиль, моя возлюбленная! Как часто я - муж, отец и сын - чувствовал себя слабым! Если бы меня терзали столь жестоко Питт или Кобург; но мои друзья! Но Робеспьер, подписавший приказ о моем аресте, но Республика - после всего, что я сделал для нее! Это цена стольких подвигов и стольких жертв. Здесь я увидел Эро де Сешеля, Симона, Ферре, Шометта, Антонеля; они не так несчастны, ибо не являются секретными узниками*. Но я - в течение пяти лет приносивший себя в жертву опасностям и ненависти; я - и в Революции оставшийся бедняком; я, который может повиниться лишь перед тобой одной, моя дорогая Лолотта, - и ты поймешь меня, ибо знаешь, что сердце мое, вопреки всем его слабостям, отнюдь не недостойно тебя; я тайно* брошен, словно заговорщик, в темницу теми людьми, которые называли себя моими друзьями и республиканцами! Сократ выпил цикуту; но по крайней мере в тюрьме он виделся с друзьями и с женой. Но насколько же тяжелее не видеться с тобою! Смерть заставляет страдать лишь один миг; разлука с Люсиль страшнее, такое наказание было бы чрезмерным даже для самого лютого преступника; но злодей никогда бы не стал твоим супругом, и ты полюбила меня лишь за то, что каждое дыхание мое было отдано ради счастья моих сограждан. Меня зовут.

Только что меня допросили комиссары правительства. Они спросили об одном, состоял ли я в заговоре против республики? Какая насмешка! Возможно ли так оскорблять самого преданного республиканца! Я предвижу участь, мне уготованную. Прощай.

Моя судьба - пример варварства и неблагодарности людей. Мои последние мгновения не запятнают твоей чести. Ты видишь, что мои опасения были справедливы, а предчувствия сбывались. Я женился на непорочной, целомудренной девушке, я был хорошим мужем, добрым сыном, мог бы быть хорошим отцом. Я уношу с собой свободу и доблесть всех вместе с уважением и сожалениями всех истинных республиканцев, всех людей. Я умираю тридцати четырех лет от роду; удивительно, что за пять лет я преодолел столько пропастей Революции и ни одна из них не

поглотила меня, что я еще существую и спокойно преклоняю голову на подушку из моих чересчур многочисленных сочинений, которых не коснется нож гильотины: все они дышат той же любовью к людям, тем же желанием сделать моих сограждан свободными и счастливыми.

Я хорошо вижу, что власть способна опьянить почти каждого человека, что все готовы повторить вслед за Дионисием Сиракузским: “Тирания суть лучшая эпитафия!” Но утешься, отчаявшаяся вдова! Эпитафия твоего бедного Камилла будет более славной: она будет эпитафией тираноубийц Брута и Кассия. О моя дорогая Люсиль! Я был рожден для сочинения стихов, для защиты несчастных, для того, чтобы создать с тобою, с твоей матерью, с моим отцом и с несколькими близкими нашим сердцам людьми подобие земного рая. Я мечтал о республике, которую любил бы весь мир. Я не в силах был поверить, чтобы люди были так жестоки и так несправедливы. Мог ли я подумать, что шутки, вызванные моими коллегами и попавшие в мои сочинения, заставят позабыть о моих заслугах! Для меня не тайна, что я умираю жертвой этих шуток и моей дружбы с Дантоном. Я благодарю моих убийц за возможность умереть вместе с ним и с Филиппо; и, поскольку мои коллеги оказались настолько трусливы, что поверили самой грязной клевете, о которой я не подозревал, я могу сказать, что мы умираем как жертвы собственного мужества, разоблачившего предателей, и как жертвы любви к свободе.

Мы погибаем последними республиканцами и уносим с собой доказательство этого. Прости, милый друг, мою жизнь, потерянную в миг нашей разлуки, прости, что я предаюсь воспоминаниям. Мне надлежало бы забыть тебя. Моя Люсиль, моя добрая Лулу, моя кашанская курочка, я заклинаю тебя: не сиди на ветке, не призывай меня криками своими, они и во мраке могилы будут раздирать мне сердце. Живи для твоего малыша, моего Горация; расскажи ему обо мне. Сейчас он не поймет тебя, но ты скажешь ему о том, как я любил бы его! Несмотря на все мои мучения, я верю в то, что Бог существует. Моя кровь смоет мои ошибки и изъяны человечества; и Бог вознаградит меня за все хорошее, что было во мне - за добродетель и любовь к свободе. Мы еще свидимся с тобой, о Люсиль!⁵ Смерть, освобождающая от созерцания стольких злодеяний, так ли уж страшна человеку, столь чувствительному, как я? Прощай, Лулу, жизнь моя, душа моя, мое земное божество! Я оставляю тебе добрых друзей, людей самых добродетельных и мягкосердечных. Прощай, Люсиль, моя Люсиль, моя дорогая Люсиль! Прощай, Гораций! Прощай, отец мой! Я чувствую, как берег жизни удаляется от меня. Я еще вижу Люсиль, я вижу ее, мою обожаемую Люсиль! Мои связанные руки обнимают тебя и моя отрубленная голова еще смотрит на тебя угасающими глазами!”

Комментарии Татьяны Александровны Черноверской

¹ 1 апреля 1794 г.

² Этот фрагмент письма - точнее, по-видимому, его сокращенного варианта, в книге Евгения Богата “...Что движет солнце и светила...” - переведен следующим образом: “я только что видел тебя во сне, целовал поочередно тебя, Горация и Анетту [сынишка Демулена и мать Люсиль], пришедшую к нам. Наш малютка лишился из-за золотухи одного глаза, и ужас этого несчастья заставил меня пробудиться, - и я снова увидел себя в моей камерке”. - Когда-то мы говорили о двусмысленности некоторых мест из этого письма - и автор, подготовивший материал к публикации, весьма последовательно “очищает” его от малейшей двусмысленности...

Романтическая супружеская пара Камилл и Люсиль Демулен, казалось бы, является воплощением счастья - и я не так давно была глубоко поражена, когда узнала, что Люсиль отдала новорожденного Ораса (Горация) кормилице, подчинившись весьма и весьма настойчивым убеждениям маменьки (время было действительно неспокойное, месяц спустя пала монархия), она очень переживала по этому поводу, - но, может быть, именно это и привело в тому, что любовь к мужу оказалась сильнее долга перед сыном? Тем более оставляла его на попечение любящей бабушки Аннет, для которой он тоже был очень дорог... Предсмертное письмо Камилла к жене дышит страстью и печалью - но вот абзац из него: Если вспомнить, что вначале предметом воздыханий Камилла была Аннет...

³ Вот еще одно такое "очищенное" место - причем результат, как видите, совершенно невразумительный! Вновь приведу цитату из другого перевода: *"Вчера вечером я пережил еще момент, также ранивший мне душу, это когда я заметил твою мать в парке; инстинктивным движением я опустился у решетки окна на колени и сложил руки вместе, словно взывая к ее состраданию. Она изливается, конечно, тебе в своем горе. Я видел вчера ее скорбь, она спустила на лицо вуаль, не будучи в состоянии долгие выносить это зрелище"*.

⁴ А это - еще один перл - переводчик (он же автор материала) явно не осведомлен, что в данном контексте в слове "secret" нет ничего "секретного" - оно означает: "одиночная камера" - а слова "секретный" и "тайный" встречаются здесь неоднократно! - я все эти места выделю маркером... - причем автор перевода как бы и не замечает несообразности получающегося текста: "секретный узник" - и встречается в тюрьме с другими, которым разрешены свидания с близкими...

⁵ Здесь вновь "целомудренно" пропущена Анетта... Впрочем, вновь приведу фрагмент другого перевода, потому что до конца письма обнаруживается еще несколько аналогичных пропусков: *"Когда-нибудь я снова увижусь с вами, о Люсиль, о Анетта! Хорошо, что при моей чувствительности смерть по крайней мере избавит меня лицезрения стольких злодеев! Разве это уж такое большое несчастье? Прощай, моя Люлю, прощай, жизнь моя, мое земное божество. Я оставляю тебе славных друзей - все, что есть мужественного и чувствующего. Прощай, Люсиль! Моя Люсиль! Моя милая Люсиль! Прощайте - Гораций, Анетта, Адель, отец!"*

⁶ Автор этого материала явно не в ладу с французским - "enfant terrible" означает вовсе не "ужасный ребенок" - а "бедовый ребенок" или "сорванец" .

Письмо Камилла Демулена жене Люсиль

по книге: Евг. Богат. «...Что движет солнце и светила: Любовь в письмах выдающихся людей»

© Vive Liberta

Благодетельный сон на время дал мне отдохнуть от страданий. Когда спишь, - чувствуешь себя свободным, отсутствует сознание своего плена. Небо сжалилось надо мною - я только что видел тебя во сне, целовал поочередно тебя, Горация и Анетту, пришедшую к нам. Наш малютка лишился из-за золотухи одного глаза, и ужас этого несчастья заставил меня пробудиться, - и я снова увидел себя в моей камерке. Уже слегка рассветало. Так как я не мог долгие тебя видеть и слышать, ибо во сне ты и твоя мать беседовали со мной, то я встал, чтобы поговорить с тобой - написать тебе. Но лишь только открыл я окно, мысль о моем одиночестве, об ужасных засовах и решетках, отделяющих меня от тебя, лишила меня всякой душевной твердости. Я заплакал или, вернее, застонал в моем склепе. "Люсиль, Люсиль, о моя дорогая Люсиль, где ты?"

Вчера вечером я пережил еще момент, также ранивший мне душу, это когда я заметил твою мать в парке; инстинктивным движением я опустился у решетки окна на колени и сложил руки вместе, словно взывая к ее состраданию. Она изливается, конечно, тебе в своем горе. Я видел вчера ее скорбь, она спустила на лицо вуаль, не будучи в состоянии дольше выносить это зрелище. Когда вы придете, пусть она сядет поближе к тебе, чтобы я мог вас лучше видеть

Пришли мне твой портрет, Лолотта, я неотступно прошу тебя об этом. Среди ужаса моей тюрьмы это явится для меня праздником - днем упоения и восторга. Пришли мне также прядь твоих волос, чтобы я мог прижать их к сердцу. И вот я снова переносусь к временам моей первой любви, когда каждый приходивший от тебя, уже из-за одного этого, интересовал меня. Вчера, когда вернулся человек, относивший тебе мое письмо, я спросил его: "Значит - вы ее видели?" Я поймал себя на том, что приковал свой взгляд к его одежде, к его фигуре, словно там что-то осталось твое - от твоего присутствия.

У этого человека, должно быть, милосердная душа, раз он передал тебе письмо немедленно. Кажется, я буду его видеть по два раза в день - утром и вечером. Этот вестник нашего горя станет мне так же дорог, как когда-то был дорог вестник нашего счастья.

Сократ выпил чашу с ядом, но он по крайней мере мог в тюрьме видаться с женою и с детьми. Как жестоко быть разлученным с тобой! Величайший преступник был бы наказан чересчур строго, если бы его разлучило с такой Люсилью иное, чем естественная смерть, доводящая до сознания горечь разлуки лишь на мгновенье... Но преступник не мог бы быть твоим супругом; ты полюбила меня ведь за то, что я жил для счастья моих сограждан.

Вопреки моему смертному приговору, я верю, что есть бог. Моя кровь искупит мои ошибки и человеческие слабости, а за то, что было во мне хорошего, - за мое мужество, за мою любовь к свободе - за это господь мне воздаст! Когда-нибудь я снова увижусь с вами, о Люсиль, о Анетта! Хорошо, что при моей чувствительности смерть по крайней мере избавит меня лицемерия стольких злодеев! Разве это уж такое большое несчастье? Прощай, моя Люлю, прощай, жизнь моя, мое земное божество. Я оставляю тебе славных друзей - все, что есть мужественного и чувствующего. Прощай, Люсиль! Моя Люсиль! Моя милая Люсиль! Прощайте - Гораций, Анетта, Адель, отец!

Я чувствую, как отлетает от меня жизнь. Я вижу еще Люсиль! Мои скованные руки обнимают тебя, мои глаза, вдали от тебя, устремляют на тебя свой меркнувший взгляд!